
Языкознание и литературоведение

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Демин Анатолий Сергеевич,
доктор филологических наук, профессор,
Институт мировой литературы, Российская академия наук,
ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: anatolydemin@gmail.com

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ФОН В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И АРХАИЧНОСТЬ ЕГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Аннотация: В статье делается попытка доказать ориентацию автора «Слова о полку Игореве» на архаичные способы повествования полуторавековой давности XI – начала XII вв. Эту ориентацию подтверждают, во-первых, признание самого автора о следовании «старым словесам»; во-вторых, традиционность предметных авторских ассоциаций; в-третьих, традиционная «рассыпчатость» предметных деталей в реальных и символических картинках «Слова»; и, в-четвёртых, мнение академика Д. С. Лихачёва об авторе «Слова» как архаисте. В статье рассматриваются предметные ассоциации автора «Слова» к понятиям: земля, поле, солнце, ветер, ночь, волки, соколы, лебеди, птицы, вороны, девицы, мечи, копья, сабли, стрелы, стремяна, шеломы, кровь, клики, мысль. Для сопоставлений привлекаются «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «Повесть временных лет», сочинения Владимира Мономаха, Кирилла Туровского, Иоанна Златоуста, апокрифы.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», поэтика, стилистика, традиции, изобразительность, ассоциации.

Изобразительный фон в «Слове о полку Игореве» составляют предметные детали, упоминаемые автором то как реалии, то как иносказания с символическим смыслом.

Предметные ассоциации автора в «Слове», т. е. прямо не высказанные, а лишь косвенно выраженные представления о материальных качествах предметных деталей, по-видимому, самый маленький и незаметный элемент картинного повествования, которое нас и интересует, начиная с его истоков.

Исключительно ценным трудом для нашей темы является книга В. П. Адриановой-Перетц «Слово о полку Игореве и памятники русской литературы XI–XIII веков» [1]. В сущности, мы попытались дополнить корпус наблюдений В. П. Адриановой-Перетц некоторыми относительно новыми фактами, более или

менее доказуемыми текстом «Слова». Ведь устойчивые ассоциации автора «Слова», кажется, никто не изучал специально.

Соберём что-то вроде тематического словарика авторских ассоциаций в «Слове». Начнём с изображения природы в «Слове», с частей рельефа. Больше всего автор упомянул «землю» и «поле». «**Земля**» у автора неизменно ассоциировалась с ровной поверхностью. Вот первое упоминание «земли»: «*растекашется <...> серымъ вълкомъ по земли*» [9, с. 43]. Выражения «растекатися по...» и ему подобные подразумевали движение по ровному пространству. Ср. далее: «*Тоска разлилася по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи*» [9, с. 49], — ничего не мешало течению по земле. «*Грозы твоя по землямъ текутъ*» [9, с. 52], — тоже как бы ничего не препятствует течению по земле. Другие словосочетания, по-видимому, также выражали авторскую ассоциацию «земля — ровная, плоская»: «*по Руской земли прострошася половци*» [9, с. 51], — простираются обычно по воображаемой ровной поверхности; «*стрелы по земли сеяше*» [9, с. 48], — сеют обычно по ровному полю; «*поскочи по Руской земли*» [9, с. 49], — беспрепятственно.

Косвенные обозначения земли опять-таки подразумевали её ровность: «...орьтмами и японъницами, и кожухы начаша мосты *мостити по болотомъ и грязивымъ местомъ*» [9, с. 47], — ровное сделали ещё более ровным.

Слово «**поле**» благодаря эпитетам яснее проявляло ассоциацию автора с ровностью и беспрепятственной его гладкостью: «*поеха по чистому полю <...> Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша*» [9, с. 46]: «*занесе чрьсь поля широкая*» [9, с. 44]. Другие высказывания автора подтверждают эту ассоциацию, но косвенно: « *рассушася стрелами по полю*» [9, с. 46], — рассыпаться по плоскости поля; «*рища <...> чрьсь поля на горы*» [9, с. 44], — ровные поля перед горами; «*мъгла поля покрыла*» [9, с. 46], «*пороси поля прикрывають <...> кликомъ поля прегородиша*» [9, с. 47]; «*загородите полю ворота*» [9, с. 53], — эти выражения, пожалуй, тоже, хоть и слабо, подразумевали плоскость поля.

Ещё один пример косвенно выраженной ассоциации «поле — плоское»: «*Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша <...> на поле незнаеме?*» [9, с. 52], — плавают по жидкости, повторяющей ровность поля.

Автор, конечно, знал, что в поле есть холмы и овраги, но и тут он «уплотил» неровности рельефа: Святослав «*наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы <...> иссуши потоки и болота*» [9, с. 50].

Итак, изобразительный фон в «Слове о полку Игореве» составляли просторные и в общем гладкие и плоские поля и земли (ср. у Адриановой-Перетц: «слово *поля* в значении “открытое место, поляна, луг” известно с XI в. в разных жанрах русской и переводной литературы» [1, с. 80]).

Из других видов ландшафта в «Слове» выделяется «**трав**а». «Трава» обычно ассоциировалась у автора с некоей подстилкой («*стлавишу ему зелену траву*» [9, с. 55]; «*зелену паполому постла*» [9, с. 48]; «*на <...> траве притрепанъ*» [9, с. 53]; «*ничить трава <...> къ земли*» [9, с. 49]).

Авторские ассоциации можно подметить ещё к нескольким явлениям природы: к солнцу, ветру, ночи и тьме. «**Солнце**» (как реалья или как бы реалья)

у автора «Слова» отличалось резкой переменчивостью: то оно напускало тьму и меркло («от него тьмою <...> прикрыты» [9, с. 44]; «солнце <...> тьмою путь заступаше» [9, с. 46]; «два солнца померкоста» [9, с. 50]; «утръпе солнцю светъ» [9, с. 52]; «чръныя тучя <...> хотятъ прикрыти 4 солнца» [9, с. 47]; и пр.); то оно светило вовсю («солнце светится на небесе» [9, с. 56]; «слънце <...> простре горячую свою лучю» [9, с. 55]).

«Ветер» у автора «Слова» представал мощным носителем или толкателем предметов и существ («се ветры <...> веють съ моря *стрелами*» [9, с. 47]; «ветре <...> мычеша <...> *стрелки* на своею нетрудною крилицю <...> лелеючи *корабли* на сине море» [9, с. 54]; «нетрудный» — в данном случае «незатруднённый», ветер, «легко переносящий или раскачивающий груз». Прочие примеры: «*соколъ на ветрехъ* ширяся» [9, с. 52]; «стрежаше <...> *чрънядьми на ветрехъ*» [9, с. 35]; и совсем сильный ветер: «*Кобяка <...> вихрь* выторже» [9, с. 50]).

Далее. «Ночь» на чужой земле у автора «Слова» была наполнена необычными, беспокоящими и зловещими звуками («*нощъ стонуци <...> свистъ* зверинъ вьста <...> Дивъ *кличеть <...> кричатъ* телегы *полунощы*» [9, с. 46]; «*ночь <...> говоръ* галичь убурися» [9, с. 48]; «*въ полуночи* Овлуръ *свисну <...>* кликну, стукну земля, *въшуме* трава» [9, с. 55]). Так создавалась картина беспокойного ночного «поля» («*нощъ <...> грозою* птичь убуди» [9, с. 46]; «*полунощи* идутъ сморци мыглами» [9, с. 55]; по полю кто-то «*въ ночь* влъкомъ рыскаше» [9, с. 54]). Поэтому русское войско не спит, а лишь «дремлетъ въ поле» [9, с. 47].

Объекты природы делились у автора «Слова» на враждебные и дружественные. Например, давно замечено учёными, что всё «синее» (т. е. синеющее или синеватое) ассоциировалось в «Слове» с предметами чуждыми или опасными («синее море», «синий Дон», «синие молнии», «синяя мгла», «синее вино»). Напротив, «серебряными» были предметы дружественные («серебряные берега», «серебряные струи», «серебряное стружие», «серебряная седина»). «Золотым» являлось всё княжеское (это хорошо известно).

Теперь скажем о животных. Все животные в «Слове» быстро «скачют», включая коней со всадниками. Но «волки» бегут географически целенаправленно и как бы прямолинейно («въ поле <...> бежить серымъ влъкомъ <...> къ Дону» [9, с. 47]; «скочи влъкомъ до *Немиги*» [9, с. 53]; «влъкомъ <...> дорыскаше до <...> *Тматороканя*» [9, с. 54]; «влъкомъ <...> потече къ лугу *Донца*» [9, с. 55]).

«Соколы» же летят стремительно; и однажды, в сочетании с ветром и полем, выражают авторское представление о силе всепокрывающего ветра: «*буря соколы* занесе чресъ *поля* широкая» [9, с. 44], — поэтому «буря», а не «ветер».

«Лебеди» у автора «Слова» выступали как страдающие и обижаемые существа («пущашеть <...> соколовъ на стадо лебедеи» [9, с. 43]; «избивая гуси и лебеди» [9, с. 55]; «крычатъ <...> лебеди распущени» [9, с. 48] — встревоженные или, может быть, разогнанные. Оттого дева-обида «въсплескала *лебедиными* крылы» [9, с. 49].

Неконкретные «птицы» (т. е. не орлы, не вороны, не галки и пр.) в «Слове» разделяют несчастную судьбу «лебедей», и виноваты в том «соколы» («*сокол, птиць*

бья» [9, с. 49]; «*соколь <...> птиць възбиваеть*» [9, с. 51]; «*соколь <...> хотя птицю <...> одолети*» [9, с. 52]; «*полете соколомъ <...> избивая гуси и лебеди*» [9, с. 55].

Но в конце «Слова» роль «птиц» вдруг меняется, и они, а не «соколы», становятся агрессивными: «Аже *соколь* къ гнезду летить, <...> то почнуть наю *птици* бити въ поле половецкомъ» [9, с. 56]. Без «соколов» «птицы» активны и, может быть, даже хищны (ср.: павшую «дружину <...> птиць крылы приоде, а звери кровь полизаша» [9, с. 53] — «птицы» не охраняют дружину, а, возможно, расклёвывают убитых; а до этого они ожидали гибель дружины Игоря: «беды его пасеть птиць, <...> орли клеткомъ на кости звери зовуть» [9, с. 46]).

«Вѣроны» тоже встречаются в меняющейся обстановке: обычно днём «гряхуть, трупиа себе деляче» [9, с. 48] или «всю ночь <...> възгряху» [9, с. 50]; но, когда надо, «не гряхуть» [9, с. 56]. Так что автор изменчивым мыслил не только «солнце», но и «птиц» и «вранов».

Перейдём к человеческим, а именно к женским персонажам. Женские персонажи, русские и нерусские, ассоциировались у автора «Слова» как неизменно красивые («*красныя* девкы половецкия» [9, с. 40]; «*красныя* Глебовны» [9, с. 48]; «готския *красныя* девы» [9, с. 51]; «опутаеве *красною* девицею» [9, с. 56]). Красота же их заключалась в том, что они обладают драгоценностями, особенно золотом («съ ними *злато*, и паволокы, и драгыя оксамиты» [9, с. 46–47]; «звоня рускымъ *златомъ*» [9, с. 51]; хотят «*злата* и *сребра* <...> потрепати» [9, с. 49]; у Ярославны — «бебрянь рукавъ» [9, с. 54], т. е. дорогой наряд); а ещё красивы нерусские женщины, оттого что поют («*въспеша*» [9, с. 51]; «девици *поють* на Дунай, выются голоси» [9, с. 56], а русские женщины ладно же плачут («жены руския *въсплакашась*» [9, с. 49]; «Ярославнынъ глась слышитъ <...> кычеть <...> *плачетъ*» [9, с. 54–55]; «*плачется* мати Ростиславля» [9, с. 55]).

Предметный мир мужских персонажей иной. Всё вооружение, по представлениям автора, сделано из крепчайших металлов: **мечи** и **копья** — харалужные, **сабли** и **стрелы** — калёные, поэтому и полки — «железные», а ещё **стремена** и **шеломы** — золотые и крепкие, выдерживающие удары (ср.: «ту ся саблямъ *потручяти о шеломы*» [9, с. 47]; «*гримлютъ* сабли *о шеломы*» [9, с. 48]; «*позвони* своими острыми мечи *о шеломы*» [9, с. 53]); стрел — всегда множество; «**клики**» — всегда громкие и напористые; **кровь** — льётся обильно, так что «по крови плаваша» [9, с. 52].

Мы указали лишь относительно самые чёткие предметные ассоциации автора «Слова». Ещё одна авторская ассоциация касается, казалось бы, абстрактного объекта, но превращает его в объект предметный. Это понятие — «**мысль**». В «Слове» «мысль» предстаёт материальным орудием движения («*растекашется мыслию по древу*» [9, с. 43]; орудием полёта («*мыслию* ти *прилетети* издалеча, отня злата стола поблюсти» [9, с. 51]; «*мысль* *носитъ* ваю <...> высоко плаваеши» [9, с. 52]); мерным инструментом («*мыслию* поля *мерить*» [9, с. 55]).

Смысловое своеобразие данной ассоциации выражается в том, что «мысль» становится орудием не постоянно, а только временно, в момент выполнения определённого «инструментального» действия. Такой же смысл в «Слове» имеют

многочисленные сочетания глаголов движения с предметными существительными в творительном, «орудийном» падеже (например: «Боянь <...> растекашется <...> вълкомъ по земли <...> орломъ подь облакы» [9, с. 43]). Это не сравнение. Боян не превращался в волка или в орла. Просто в момент данного движения он действовал по-волчьи и по-орлиному, чем частично, мельком тогда напоминал волка и орла).

Ассоциации автора «Слова» были преимущественно традиционными. В этом легко убедиться по примерам из других памятников в названной книге В. П. Адриановой-Перетц.

Иногда ассоциации сочетались. Но при сложении различных предметных ассоциаций в «Слове» не возникало богатых картин, а лишь подчёркивалась одна из ассоциаций. Например, подчёркивалась беспрепятственность «поля» («буря соколы занесе чрьсь *поля* широкая» [9, с. 44], сильный ветер свободно несёт стремительных соколов через гладкие «поля»; «скачють, акы серыи *вльци въ поле*» [9, с. 46], энергичные волки прямолинейно скачут, — «пути имь ведоми», — по бесконечному «полю»). Или же выделялась открытость, незащищённость «поля» («рассушясь *стрелами по полю*» [9, с. 46]; «*слънце* <...> простре горячею свою лучю <...> *въ поле* безводне» [9, с. 55]). В сущности, все объекты с их предметными ассоциациями оставались одиночками и составляли лишь перечислительный материальный фон «Слова», подобно фигуркам на фасаде Дмитровского собора конца XII в. во Владимире. Автор «Слова» и тут не выходил за пределы литературной традиции.

И всё же некоторые символические описания реальных событий у автора «Слова» кажутся похожими на красочные картины. Того ли хотел автор?

В качестве примера рассмотрим одно из самых выразительных описаний: «Другаго дни велми рано кровавыя зори светъ поведають, чръныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца, а въ ний трепещуть синии мльнии. Быти грому великому... Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти...» и т.д. [9, с. 47]. Связывает эти детали только утро. Но неясно, всё это происходит одновременно или же последовательно, одно за другим; из одного места или же из разных мест; сохраняются ли эти детали на всё время события или нет. Судя по повествованию, автор вспоминал о событии после его окончания и фактически лишь перечислил составные части события, создав что-то вроде статичной миниатюры со зловещими деталями, застывшими в вольном порядке и подчёркивавшими лишь одно — «плохую погоду».

Описания плохой погоды в «Слове» тоже не были связаны друг с другом, а похожи лишь перечислительной структурой («се ветри <...> веють съ моря <...> Земля тутнетъ, реки мутно текуть, пороси поля прикрывають» [9, с. 47]; «утръпе солнцю светъ, а древо не бологомъ листвие срони» [9, с. 52]; и пр.).

Такой способ изображения — россыпью предметных деталей усилить что-то одно — был типичен для всех символично изложенных эпизодов «Слова». Материальный фон в «Слове о полку Игореве» велик, но дробен и структурно однообразен.

Оригинален ли был автор «Слова о полку Игореве» в своей приверженности к мешанине предметных деталей в их перечислениях? Думается, что нет. То была

старая традиция произведений, когда они усиленно использовали символику, обозначая реальные события.

Ранним примером служит «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, сочинённое за полтора века до «Слова о полку Игореве». Ограничимся несколькими наблюдениями. Так, по ассоциации Илариона, вся земля, все страны, все народы едины в своих проявлениях, а вода исключительно обильна («всю землю <...> вода морская покры» [5, с. 18]; «по всеи же земли роса <...> оброси» [5, с. 18]; «источникъ наводнився и всю землю покрывъ <...> разлиася» [5, с. 23]; «потече источникъ <...> напаая всю землю»); кроме того, вода — благотворна («съсудъ сквернень <...> помовень водою» [5, с. 14]; «пиемъ источникъ» [5, с. 25]; «дождемъ <...> распложено бысть многоплodne» [5, с. 34]). При сочетании этих ассоциаций не возникала картина, а лишь подчёркивалась одна из ассоциаций (единство земли) — явление, уже знакомое нам.

Предметные детали в своих описаниях Иларион тоже просто перечислял, не думая о создании хронологически связанной картины. Ср. о крещении Владимира: «...облечень <...> препоясанъ <...> обушь <...> венчанъ <...> гривною и утварью златою красуюся» [5, с. 34], — что сделано раньше и что позже, осталось неясным, дан результат: красавец. Ещё о крещении Владимира: «ти припахну воня <...> испи <...> чашу <...> въкуси» [5, с. 29], — то ли последовательность действий, то ли нет. И перечисление с явным отступлением от хронологии: «епископи сташа пред святымъ олтаремъ <...> клирость украсиша, и въ лепоту одеша святыя церкви <...> темианъ Богу въспущаемъ <...> монастыреве на горах сташа <...> вси людие исполнеше святыи церкви» [5, с. 28–29], — главное то, как успешно идёт церковное строительство.

Затем, лет за 80 до «Слова о полку Игореве», была составлена «Повесть временных лет», и её предметные элементы в символических похвалах князьям продолжили ту же традицию усилительности перечислений без стремления к действительной картинности. Вот, например, похвала княгине Ольге за принятие христианства: «Си бысть <...> аки деньница предъ солнцемъ, и аки зоря предъ светомъ; си бо съяше, аки луна в нощи <...> светящися, аки бисеръ в кале <...> Си бо омыся купелью <...> и совлечеса <...> одежевь...» [7, стб. 68, под 969 г.], — когда это происходит: на рассвете, перед рассветом, глубокой ночью, бодрым утром? Здесь каждая деталь — сама по себе, а вместе — подчёркнута сиротливость ночи и утра.

Накануне появления «Слова о полку Игореве» эту манеру развил донельзя Кирилл Туровский. Так, в «Слове в новую неделю по Пасхе» в знаменитом описании бурной весны (т. е. крещения) предметные детали перечислялись самым причудливым образом: лёд, ветры, плоды, семена, агнцы, пастухи, деревья, цветы, сады, ратаи, реки, рыбы, рыбаки, пчелы, соты, птицы и т.д. [3, с. 416–417]. Детали можно переставлять в любом порядке. Ещё больший разброс был в характеристике святых в «Слове на собор 318 святых отец»: пастыри, реки, ангелы, орлы, органы, облака, гряды, столпы, светильники, сосуды, обители, цветы, деревья, ловцы и пр. [5, с. 347–348] Изобразительный фон в символике Кирилла Туровского дошёл до

максимальной хаотичности, никакого взаимодействия между деталями даже не подразумевалось. Лишь нагнетались признаки одного и того же реального явления.

Из приведённых примеров можно заключить, что «Слово о полку Игореве» в своих перечислительных описаниях опиралось на долгую литературную традицию. Недаром автор «Слова о полку Игореве» сразу же провозгласил, что именно «старыми словесы» он намерен начать свою повесть [8, с. 43]; а «старыми» он называл явления именно XI в. (ср. у В. П. Адриановой-Перетц: «определение “старый”, каким автор “Слова” наделяет князей XI в.»; «определение *старого времени* соответствует “старым словесам” времени Бояна и наименованиям старыми князей X–XI вв.» [1, с. 49, 58]).

Ещё одно наблюдение. Получилось, что реальные события автор «Слова» через символику характеризовал другой реальностью! Автор не дал разъяснений этому феномену. Мы же можем высказать только предположение на сей счёт. Предметная символика использовалась автором, скорее всего, как экспрессивное средство. Поэтому наряду с символикой в «Слове» так много авторских восклицаний и так часты упоминания о чувствах персонажей: «труд», туга, печаль, уныние, тоска, «жалость», плач, слёзы, стон, а также веселие и радость.

Изобразительная символика в риторичном «Слове о Законе и Благодати» Илариона тоже была связана с авторскими эмоциями: она более бедна, оттого что победнее чувства автора, прибегшего к предметной символике, — радость и «дивление».

Однообразная изобразительная символика Кирилла Туровского тоже была порождена однообразием же авторских чувств — радость и благоговение.

Сравнительно с другими произведениями XI–XIII вв. в «Слове о полку Игореве» особенно густа символика из мира природы, очевидно, для того, чтобы максимально усилить экспрессию повествования, показать «великое буйство» сражений русских с половцами («сицеи рати не слышано» [9, с. 48]). Ведь описания природных явлений всегда были эмоциональны в XI–XII вв.

Но есть ещё одно, тоже предположительное объяснение изобразительности «Слова о полку Игореве». Символика у автора «Слова» приоткрывала вход в «другой» земной мир, как бы параллельный реальному миру земному. Цельной картины этого параллельного мира в «Слове» не было. Однако каждый эпизод служил как бы «окошком» в густой надреальный мир, в его отдельные части. Автор находился вне такого воображаемого мира («что ми шумить, что ми звенить давеча» или «далече» [9, с. 48]).

Вероятно, и в этом случае автор «Слова» ориентировался на «старые словесы», хотя неясно, на какие конкретно. Некоторую аналогию составляет именно «Слово о Законе и Благодати» Илариона с его огромным символическим ландшафтом иссохшей земли, источников, озёр и пр. А вот «второй» мир у Кирилла Туровского уже не так близок к «Слову о полку Игореве», потому что он не фантастичен, а идеален и приземлён.

Искать истоки стиля «Слова о полку Игореве» в глубокой переводной старине побуждает творчество Иоанна Златоуста, в частности, его «Слово о всех святых».

Здесь мученичеству за веру параллелен, во-первых, развёрнутый образ битвы: «на брани пльзци на обе стороне стануть оковани, блистающе ся оружиемъ и землю светяще; облаци стрелами пушають ся, вьсюду закрывающе въздухъ множествомъ; реки кровавы текуть отвьсюду; и многопадение обоиде, акы на жатве класомъ» [11, с. 460]. Во-вторых, образ мореплавания: «сице и къръмьници предъ вълнами пристанищъ зрять предъ истопениемъ» и т.д. [11, с. 465]. И тут же, в-третьих, образ ночи: «въ нощи тьмьне человекомъ съпящемъ вьсемъ, и зверьмъ и птьицямъ, и рыбаьмъ, и велику мълчанию сушу <...> сладкъ ли сънь...» и т.д. [11, с. 465]. И тут же, в-четвёртых, образ домашнего уюта: «яко же дома творящии своя светлы цветнымъ шарьмъ вьсюду и украшають» [11, с. 465]. Всё это «окошки» в параллельный земной мир.

В некоторых апокрифах этот «второй» земной мир тоже проглядывает в виде «окошек». Например, в «Сказании Афродитнана» о рождении Христа и приходе волхвов протягивается цепочка водных и морских мотивов: «яко источникъ есть възлюбленъ», «акы в мори носить корабль многа добра», «едину рыбу имущи <...> удою емлему», «облакъ от зноя орошая весь миръ» [10, с. 1, 3].

Наконец, сравнительно близким предшественником автора «Слова о полку Игореве» мог быть Владимир Мономах, кстати упоминаемый в «Слове». По речам Владимира Мономаха, приводимым в «Повести временных лет», по его «Поучению» и посланию, вставленным в «Лаврентьевскую летопись», можно заключить, что Владимир Мономах был очень даже склонен к употреблению экспрессивных сравнений, предметных иносказаний и символов, которые являлись своего рода «щёлками» в параллельный, «второй» земной мир. Но природа минимально присутствовала в иносказательном и символическом мире Мономаха (например: «облизахуся на нас, акы *волци* стояще» [7, стб. 249, под 1096 г.]; «скруши главы *змиевыя*» [7, стб. 279, под 1103 г.]; «тело увянувшю, яко *цвету* <...> яко же *агньцю* заколену» [7, стб. 253, под 1096 г.]; «сядет, акы *горлица*, на *сусе древе*, желеючи» [7, стб. 254, под 1096 г.]. Больше было «щёлок» в мир, так сказать, бытовой («ввержень в ны *ножь*» [7, стб. 362, под 1097 г.]; «седа на *санех*, помыслил» [7, стб. 241, под 1096 г.]; «днесь живи, а завтра *гробъ*» [7, стб. 245, под 1096 г.]; «*хлебъ* едучи дедень» [7, стб. 254, под 1096 г.]; и пр.). «Второй» земной мир в произведениях соответствовал местам, где действие развивалось.

В итоге, рискнём предположить, что автор (или один из авторов) «Слова о полку Игореве» был не столько новатором, сколько консерватором. Сошлюсь на Д. С. Лихачёва, который отметил, что главным в «Слове» был «певец — архаист и обобщатель, склонный к языческим реминисценциям и аналогиям с явлениями природы», «тема Бояна оказывается в известной мере более естественной и органичной для “Слова”» [6, с. 215, 217]¹.

И ещё маленький штришок по поводу «старых словес» в «Слове о полку Игореве». В памятнике содержится редкостная по форме и по энергичности смысла фраза: «Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслию поля мерить» [9, с. 55].

¹ Об архаичности политических идей автора «Слова» см.: [8, с. 241].

Наверное, неспроста аналогию находим именно в «Слове о Законе и Благодати» Илариона: «Христос победи, Христос одоле, Христос въцарися, Христос прославися» [5, с. 29]. Архаичность повествования в «Слове» нуждается в дополнительном изучении с разных сторон [2, с. 128–141].

В общем же, одним из признаков архаического повествования в древнерусских памятниках являлось преобладание россыпи изобразительных «кирпичиков», а не цельных картин.

Что же касается пристрастия автора «Слова» к «старым словесам», то тут возможно двойное объяснение. Во-первых, «старые словесы» понадобились автору для героизации печальных событий. Поэтому, в частности, все русские князья и их дружины в «Слове» подчёркнуто храбрые. Во-вторых, демонстративный консерватизм помог автору выпятить значимость своей личности. Оттого он упоминал о себе и смело обращался с призывами к князьям. Ранее это мог позволить себе только митрополит Иларион.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Адрианова-Перетц В. П.* Слово о полку Игореве и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л.: Наука, 1968. 200 с.
- 2 *Демин А. С.* Об «архаизирующем» повествовании в «Слове о полку Игореве» // *Демин А. С.* О древнерусском литературном творчестве. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 128–141.
- 3 *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 13. С. 409–428.
- 4 *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 15. С. 331–348.
- 5 Идейно-философское наследие Илариона Киевского: в 2 ч. М.: АН СССР, 1986. Ч. 1 / текст памятника подгот. Т. А. Сумникова. 1972 с.
- 6 *Лихачев Д. С.* Избранные работы: в 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. 520 с.
- 7 Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1 / текст летописи подгот. Е. Ф. Карский. 496 с.
- 8 *Робинсон А. Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI–XIII вв. М.: Наука, 1980. 336 с.
- 9 Слово о полку Игореве / изд. подгот. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов. Л.: Сов. писатель, 1967. XXXVIII, 498 с. (Б-ка поэта. Большая сер.)
- 10 *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы: в 2 т. М.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1863. Т. 2. 314 с.
- 11 Успенский сборник XII–XIII вв. / изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М.: Наука, 1971. 752 с.

* * *

Demin Anatoly Sergeevich,

*DSc in Philology, Professor, Head of Old Slavic Literatures Department,
Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
Povarskaya str., 25A, 121069 Moscow, Russian Federation
E-mail: anatologydemin@gmail.com*

DESCRIPTIVE BACKGROUND IN «THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN» AND ARCHAISM OF ITS STORY

Abstract: This article attempts to prove the author's of «The Tale of Igor's Campaign» tendency to the archaic ways of narration of XI – beginning of XII centuries. This tendency is confirmed, firstly, by the recognition of the author himself that he follows «ancient diction»; secondly, by the traditional author's object-oriented associations; thirdly, by the traditional scattering of object details in real-life and symbolic pictures; and, fourthly, by the opinion of Academician D. S. Likhachev about the author of «The Tale» as an archaist. The article deals with object-oriented associations of the author of «the Tale» with the concepts of land, field, sun, wind, night, wolves, hawks, swans, birds, crows, girls, swords, spears, arrows, stirrups, helmets, blood, hails, thought. For comparisons reasons the following works are involved: «Sermon on Law and Grace» by Metropolitan Hilarion, «The Tale of Bygone Years», the works by Vladimir Monomakh, Cyril of Turov, John Chrysostom, the Apocrypha.

Keywords: «The Tale of Igor's Campaign», poetics, style, traditions, depiction, associations.

REFERENCES

- 1 Adrianova-Peretts V. P. *Slovo o polku Igoreve i pamiatniki russkoi literatury KhI–KhIII vekov* [Tale of Igor's Campaign and monuments of Russian literature XI–XIII centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1968. 200 p.
- 2 Demin A. S. Ob «arkhaiziruiushchem» povestvovanii v «Slove o polku Igoreve» [On «archaizing» narrative in the «Tale of Igor's Campaign»]. *Demin A. S. O drevnerusskom literaturnom tvorchestve* [About old Russian literary works]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003, pp. 128–141.
- 3 Eremin I. P. Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo [Literary heritage of Cyril of Turov]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1957. Vol. 13, pp. 416–417.
- 4 Eremin I. P. Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo [Literary heritage of Cyril of Turov]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1957. Vol. 15, pp. 331–348.
- 5 *Ideino-filosofskoe nasledie Ilariona Kievskogo: v 2 ch.* [Ideological and philosophical heritage of Hilarion of Kiev: in 2 parts]. Moscow, AN SSSR Publ., 1986, part 1, tekst pamiatnika podgot. T. A. Sumnikova. 1972 p.
- 6 Likhachev D. S. *Izbrannye raboty: v 3 t.* [Selected works: in 3 vol.] Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1987. Vol. 3. 520 p.

-
- 7 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997, vol. 1, tekst letopisi podgot. E. F. Karskii. 496 p.
 - 8 Robinson A. N. *Literatura Drevnei Rusi v literaturnom protsesse Srednevekov'ia XI–XIII vv.* [Literature of Old Russia in the literary process of the Middle Ages in XI–XIII centuries.] Moscow, Nauka Publ., 1980. 336 p.
 - 9 *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor's Campaign], izd. podgot. D. S. Likhachev, L. A. Dmitriev, O. V. Tvorogov. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1967. XXXVIII, 498 p. (B-ka poeta. Bol'shaia ser.)
 - 10 Tikhonravov N. S. *Pamiatniki otrechennoi russkoi literatury: v 2 t.* [Monuments of renounced Russian literature: in 2 volumes]. Moscow, Tip. tovarishchestva «Obshchestvennaia pol'za» Publ., 1863. Vol. 2. 314 p.
 - 11 *Uspenskii sbornik XII–XIII vv.* [Assumption collection: XII–XIII centuries], izd. podgot. O. A. Kniazevskaia, V. G. Dem'ianov, M. V. Liapon. Moscow, Nauka Publ., 1971. 752 p.